

«ДОМИНАНТА ДУШИ — ВНИМАНИЕ ДУХУ»
(Неизвестная заметка Н. Я. Кузнецова об А. А. Ухтомском
в фонде В. И. Вернадского)

«Я в отношении общественной жизни — лишь созерцатель. Поэтому мое истинное место — монастырь. Но я не могу себе представить, что придется жить без математики, без науки. Итак, мне надо создать собственную келью — с математикой, с свободой духа и миром. Я думаю, что тут-то и есть истинное место для меня.

...Смысл, задача моей жизни (в конкретном смысле) — научная работа, выяснение научного мирозерцания с точки зрения, например, христианства. Возвышенная, спокойная критика, спокойное исследование, спокойный культ истины — должны наполнить мою душу»

Алексей Ухтомский (1897, 1899 гг.)

В последние полтора десятка лет в гуманитарной культуре России произошел заметный и в высшей степени отрадный подъем интереса к жизни, духовным исканиям, удивительно богатому, подобному полноводной Волге, творчеству выдающегося отечественного физиолога и психолога, оригинального и глубокого мыслителя Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942). К уже ранее изданным его работам и трудам о нем¹ присоединяются новые исследования его жизни и творческого пути, общим достоянием становятся ранее мало известные, либо вовсе не известные архивные материалы².

¹ См. *Ухтомский А. А. Доминанта*. М.; Л., 1966. С. 3–273; *Ухтомский А. А. Избранные труды*. Л., 1978. С. 3–318; *Меркулов В. Л. Алексей Алексеевич Ухтомский. Очерк жизни и научной деятельности (1875–1942)*. М.; Л., 1960. С. 5–315; *Голиков Н. В. Научное творчество А. А. Ухтомского и его значение для современной физиологии и смежных дисциплин // Ухтомский А. А. Избранные труды*. Л., 1978. С. 319–344.

² А. А. Ухтомский в воспоминаниях и письмах. СПб., 1992. С. 3–205; *Ухтомский А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях*. СПб., 1996. С. 23–526; *Ухтомский А. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука*. Рыбинск, 1997. С. 13–448; *Ухтомский А. Доминанта души: Из гуманитарного наследия*. Рыбинск, 2000. С. 8–438; *Цурикова Г., Кузьмичев И. Странная профессия — писательство // Ухтомский А. Интуиция совести... С. 3–22; Соколова Л., Цурикова Г. Предисловие // Ухтомский А. Заслуженный собеседник... С. 3–12; Кузьмичев Игорь. «День ожидаемого огня...» Вехи духовной биографии А. А. Ухтомского в его переписке с В. А. Платоновой (Вместо предисловия) // *Ухтомский А. Заслуженный собеседник... С. 449–551; Соколова Л. В., Цурикова Г. М., Кузьмичев И. С. От составителей // Ухтомский А. Доминанта души... С. 5–7; Золотарев А. А. и др. Воспоминания об А. А. Ухтомском // Ухтомский А. Доминанта души... С. 439–604; Хализев В. Нравственная философия Ухтомского // Но-**

Хочется надеяться, что работа в этом направлении будет продолжаться. Гарантия ее успеха видится прежде всего в уже сложившемся коллективе исследователей жизни и творчества А. А. Ухтомского, особенно слабо изученных его гуманитарных интересов и размышлений (Л. С. Соколова, Г. М. Цурикова, И. С. Кузьмичёв).

В этой связи, думается, бесполезным будет знакомство специалистов и широкого круга читателей с еще не вошедшей в обиход заметкой, которая хранится в Архиве РАН в личном фонде В. И. Вернадского и относится ко времени его пребывания в 1942 г. в эвакуации в Боровом Акмолинской области Казахской ССР³. В конце текста заметки Вернадским сделана приписка:

Эту запись мне дал по моей просьбе крупный ученый, один из немногих близких к Ухтомскому лиц из ученой среды. Он хотел, чтобы эти черты жизни Ухтомского не пропали. Он свои воспоминания сознательно не подписал⁴.

Автор заметки легко устанавливается. Это — близкий друг А. А. Ухтомского, энтомолог и физиолог Николай Яковлевич Кузнецов (1873–1948), о нем Вернадский неоднократно упоминает в своем дневнике, который он вел в Боровом⁵. В 1895 г. Н. Я. Кузнецов окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. С начала 1900-х гг. Ухтомский и Кузнецов были сотрудниками возглавлявшейся Н. Е. Введенским физиологической лаборатории столичного университета, что и послужило началом их многолетней дружбы. О ее искренности и теплоте свидетельствуют опубликованные к настоящему времени письма Ухтомского Кузнецову, охватывающие значительный отрезок с 1907 по 1936 гг.⁶ «Жму крепко Вашу руку и желаю мира и света в Вашей жизни»⁷ — эти обращенные к другу слова выражают главный личный мотив писем Ухтомского Кузнецову.

В конце лета 1942 г. А. А. Ухтомский скончался в блокадном Ленинграде. Осенью того же года Н. Я. Кузнецов эвакуировался из Ленинграда в Боровое, где по просьбе Вернадского и написал свою заметку об Ухтомском, сжато обрисовывающую его облик. Помимо воспоминаний о встречах и беседах ав-

---

вый мир. 1998. № 2. С. 222–230; Кузьмичёв Игорь. А. А. Ухтомский и В. А. Платонова. Эпистолярная хроника. СПб., 2000. С. 3–192; Симонов П. В. Доминанта Ухтомского // Вестник РАН. 2000. № 5. С. 425–428 и др.

³ См. Мочалов И. И. ...В сорок втором // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 2. С. 143–171.

⁴ Вернадский В. И. Хронология. Материалы к книге «Пережитое и передуманное» // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 54.

⁵ О нем см. Павловский Е. Н. Памяти Николая Яковлевича Кузнецова // Кузнецов Н. Я. Основы физиологии насекомых. М.; Л., 1948. С. I–III; Павловский Е. Н. Н. Я. Кузнецов (1873–1948) // Энтомологическое обозрение. Т. XXX. 1949. № 3–4. С. 171–180.

⁶ Ухтомский А. Интуиция совести... С. 417–433; Ухтомский А. Доминанта души... С. 329–336.

⁷ Ухтомский А. А. Письмо Н. Я. Кузнецову 7 августа 1908 г. // Ухтомский А. Интуиция совести... С. 418.

тора со своим героем, в заметке отразилось и многое из того, что в той или иной степени затрагивалось в письмах к нему Ухтомского (некоторые выдержки из них приводятся далее в примечаниях). Вполне возможно, что письма своего покойного друга Кузнецов взял с собой в Боровое, и они, помимо того, что осталось в памяти, также послужили автору материалом для его заметки.

И. Мочалов

Н. Я. КУЗНЕЦОВ

ИЗ БЕСЕД С ПОКОЙНЫМ АКАДЕМИКОМ АЛЕКСЕЕМ АЛЕКСЕЕВИЧЕМ УХТОМСКИМ И ВОСПОМИНАНИЙ О ЕГО ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.А. — родовитый князь — Рюрикович, с документами до XIV века, с реки Ухтомы Рыбинского края⁸. Его семейная традиция: князья — это служители земли и крестьянства. Достаток и имение семьи его отца⁹ к концу прошлого столетия свелись лишь к пригородному дому в Рыбинске. Из семейных влияний главнейшее — это тетки по отцу¹⁰, женщины глубоко религиозной, строгой, но не суровой; от нее А.А. получил домашнее воспитание; отец умер рано; с матерью у А.А. не было духовной близости¹¹. Среднее образование он получил в Нижегородском кадетском корпусе; оно оставило в нем светлые воспоминания и дисциплинировало его силу воли¹². Затем, вероятно,

⁸ О родословной А. А. Ухтомского см. *Меркулов В. Л.* Алексей Алексеевич Ухтомский... С. 10–11; *Ухтомский А.* Доминанта души... С. 11–14.

⁹ Ухтомский Алексей Николаевич (1842–1902) — морской офицер, в 1859 г. закончил Кадетский корпус в Нижнем Новгороде, десять лет прослужил в Балтийском флоте, вышел в отставку, женился и поселился в своем имении в селе Восломе Рыбинского уезда Ярославской губернии. Здесь 13 (25) июня 1875 г. родился А. А. Ухтомский.

¹⁰ Ухтомская Анна Николаевна (?–1898) — родная тетья А. А. Ухтомского по отцовской линии, в детские и юношеские годы оказавшая большое и благотворное влияние на племянника. Благодарную память о ней Ухтомский сохранил на всю жизнь, не раз писал и вспоминал о ней в письмах, рассказывал в устных беседах. См. *Меркулов В. Л.* Алексей Алексеевич Ухтомский... С. 11–13, 22–25.

¹¹ Ухтомская (урожд. Анфимова) Антонина Федоровна (1847–1913). Из воспоминаний А. А. Ухтомского о своей матери см. *Меркулов В. Л.* Алексей Алексеевич Ухтомский... С. 13. «Обстоятельства давно сложились так, что я очень далек от матери, и у нас с ней как-то не клеились “родственные” отношения. Это отчасти от того, что с раннего детства я жил у покойной тети, а отчасти (и большею частью) от того, что она — мать — не вошла, так сказать, в Ухтомскую семью, осталась вполне Черносвитовой (М. А. Черносвитов — отчим матери А. А. Ухтомского. — *И. М.*), а я, по общему духу, уродился в Ухтомских. Но вот, при всем том, я ужасно чувствую тяжесть от того, что для меня почти нет матери, хоть она и жива еще. А теперь, когда она захворала, как-то особенно нехорошо на душе, что мы с ней так далеки» (*Ухтомский А. А.* Письмо Н. Я. Кузнецову 17 августа 1910 г. // *Ухтомский А.* Интуиция совести... С. 418).

¹² По настоянию родителей А. А. Ухтомский поступил в 1888 г. в 13-летнем возрасте в Кадетский корпус в Нижнем Новгороде (после пяти лет учения в Рыбинской гимназии), а закончил его в 1894 г. 19-летним юношей. Об этом периоде его жизни см. *Меркулов В. Л.* Алексей Алексеевич Ухтомский... С. 13–18.

под влиянием тетки и примера старшего брата Андрея, будущего высшего церковного деятеля¹³, А.А. прошел Московскую духовную академию¹⁴; он редко о ней рассказывал, но явно именно из нее вынес углубленность требований в своем научном искании. По окончании Духовной Академии и, по-видимому, после защиты в ней диссертации¹⁵ А.А. направился на физико-математический факультет С.-Петербургского университета для «личного ознакомления с успехами рационализма, особенно германского», и выбрал для этого кафедру физиологии как науки наиболее рационалистической в ее дерзаниях. Войдя в эту область ради испытания, он и остался в ней навсегда, ибо, очевидно, нашел в ней успокоение¹⁶.

В научной деятельности А.А. преобладало одинокое самоуглубление и самосовершенствование, и бесконечное чтение источников преобладало над экспериментальной работой¹⁷. Оно создало ему, в связи с широким философским образованием, огромный непререкаемый авторитет и возможность стать толкователем и критиком обширного круга физиологических воззрений. Прежде всего А.А. стал толкователем и критиком своего учителя Введенского, затем Сеченова и Павлова в их конечных достижениях и во взаимоотношениях этих достижений. Наоборот, в деле лабораторного эксперимента он не отличался ни производительностью, ни остроумием, ни ловкостью руки.

¹³ Ухтомский Александр Алексеевич (1872–1937) — старший брат А. А. Ухтомского. В 1895 г. закончил Московскую духовную академию, в том же году в Казани пострижен в монахи с именем Андрея и рукоположен в иеромонаха. В 1899 г. возведен в сан архимандрита, с 1907 г. — епископ Мамадышский, затем — епископ Сухумский, с 1913 г. — епископ Уфимский и Мензелинский. С 1923 г. неоднократно подвергался советскими карательными органами арестам и ссылкам. В 1937 г. расстрелян. О нем см. *Зеленогорский М. Л.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 1991. С. 3–271; *Нежный Александр.* Князь Ухтомский. Епископ Андрей // *Звезда.* 1997. № 10. С. 5–37.

¹⁴ Академия располагалась недалеко от Москвы в Троице-Сергиевом посаде Московской губернии. В 1932 г. в беседе со своим учеником и будущим биографом сам А. А. Ухтомский так объяснял свое решение поступить в Московскую духовную академию: «Еще будучи в Кадетском корпусе, я был склонен серьезно изучать теорию познания, психологию, историю и языки. В Московской духовной академии преподавал в те годы знаменитый историк России Василий Осипович Ключевский и другие видные профессора Московского университета. В Академии было хорошо поставлено преподавание философии, психологии и древних языков. И вот это-то и определило мое решение поступить учиться в Академию вопреки воле моих родителей» (*Меркулов В. Л.* Алексей Алексеевич Ухтомский... С. 18). О годах (1894–1897) учебы А. А. Ухтомского в Академии см. *Меркулов В. Л.* Там же. С. 18–25.

¹⁵ Недавно диссертация А. А. Ухтомского опубликована. См. *Ухтомский А.* Космологическое доказательство бытия Божия (1897) // *Ухтомский А.* Заслуженный собеседник... С. 283–352. После ее защиты ему была присвоена степень кандидата богословия.

¹⁶ О годах учебы в Петербургском университете, последующей научной, организационной, общественной и педагогической деятельности А. А. Ухтомского см. *Меркулов В. Л.* Алексей Алексеевич Ухтомский... С. 29–246.

¹⁷ «Нужно всегда оставить себе возможность уйти, хоть ненадолго, из обыденной толчен, чтобы “сесть наедине и умолкнуть”, дабы осмотреться, чем ты был и чем ты стал, и что есть у тебя. А то при всей видимости того, что живешь “высокой, сознательной жизнью университетского деятеля”, может случиться так незаметно и легко, что уже давно сошел ты с настоящей тропы и влечет тебя чужая, “лешая” воля, куда — и сам не знаешь» (*Ухтомский А. А.* Письмо Н. Я. Кузнецову 2 июля 1915 г. // *Ухтомский А.* Интуция совести... С. 424).

Лично, в избранной им области нервного возбуждения, он был «монистом» и принимал разные формы возбуждения и торможения лишь за фазы единого процесса, зависимые от крайне лабильной природы воспринимающего субъекта и колеблющихся сил среды. На этой основе и на фактах парабитических явлений Введенского он выработал свое представление о доминанте возбуждения, к сожалению, не получившее еще достаточного признания и распространения.

Научная деятельность А.А. вылилась преимущественно в педагогическую — профессорскую форму¹⁸. Его влияние на слушателей было очень велико благодаря чрезвычайно богатому и даже пересыщенному обобщениями изложению; его лекции и доклады часто бывали трудны для понимания даже хорошо подготовленного биолога. Но в отношениях с учениками часто неблагоприятно сказывалось влияние этой огромной дистанции между учеником и таким всеобъемлющим авторитетом учителя, несмотря на всю скромность последнего. Между прочим, отчасти из этой именно скромности вытекло и то обстоятельство, что и себя, и своих сотрудников он безо всякого расчета и попросту лишь причислял к «школе Введенского».

Организационную деятельность А.А. проявил особенно широко после смерти Н. Е. Введенского, превратив скромную университетскую лабораторию в полный физиологический институт, а простую кафедру физиологии — в сложный комплекс профессорских и доцентских курсов по многим отраслям физиологии и биохимии и подобрав для них ряд выдающихся руководителей.

Своему участию в жизни Академии наук А.А. придавал очень мало значения и иногда говорил, что его в Академии «не любят и не слушают»¹⁹.

С углубленно-философским отношением к жизни и науке А.А. соединял глубокую религиозность и преданность церкви и отнюдь не отвергал обрядностей последней²⁰. Он был деятельным членом Единерверческой общины

¹⁸ «Занятия мои в Психоневрологическом институте продолжаются: у меня там почти ровное никаких касательств к администрации, начальству и прочим лекторам, и все дело обходится с самими слушателями. Это искупает в моих глазах многие отрицательные стороны института, примиряет меня с ним. Молодежь-то ведь милая и искренняя... А вот начальство и администрация — все социал-демократы (я не говорю, разумеется, о Бехтерева!) и при этом все со склонностью “к общественному пирогу”. Это я имею в виду тех, кто задает главный тон в хозяйственной и административной жизни института. Что касается молодежи, то, повторю, она мне нравится; но она поражает своей наивностью и полнейшей необразованностью, — в особенности слушательницы: когда Вы им что-нибудь рассказываете, они с суеверием смотрят Вам в рот и, очевидно, способны поверить и лжи, и глупости, если бы Вы захотели обработать их в определенную сторону. Я думаю, что теперешние молодые выпуски из мужских и женских учебных средних заведений — это духовные *дички*, в большей еще степени, чем были мы» (*Ухтомский А. А. Письмо Н. Я. Кузнецову 30 ноября 1911 г. // Ухтомский А. Интуиция совести... С. 422–423*).

¹⁹ В 1932 г. А. А. Ухтомский был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1935 г. — академиком.

²⁰ «Утеряли мы, — или утериваем постепенно, — институт истины, который был воспитан в наших предках и в нашем личном прошлом *религией*» (*Ухтомский А. А. Письмо Н. Я. Кузнецову 4 ноября 1911 г. // Ухтомский А. Интуиция совести... С. 420*). «Когда впереди тебя скрылся реальный образ высокого, чистого, доброго и великого, когда ты больше не чувствуешь себя

в Ленинграде, с которой не прерывал сношений, по-видимому, до самого последнего периода жизни. Он изучал церковную живопись и собирал иконы старого письма, равно как и ценил, и, по-видимому, основательно знал церковную музыку — пение; у него есть о нем статья²¹.

С его приверженностью к церкви и преклонением перед русской стариной было связано то, что «святое всего» для него были русская крестьянская душа и русские народные труд и быт, которые в молодости он изучал путем личного хождения в народ, особенно в Верхнее и Среднее Поволжье²², а рядом с этим преклонением — и неприкрыто-презрительное отношение к русской «интеллигенции» и ее роли в народной жизни²³.

на царском пути свободного служения великому и высокому, иди в церковь. Здесь испытанная, почтенная школа, где многими искусными учителями от времен древних собраний искусно изложены для усвоения издревле завещанные понятия доброго, прекрасного и высокого; эта школа способна избавить буйных мира сего от томления бессодержательностью. Душа моя подавлена петербургскою средою, от нее скрылся свет свободного ощущения Истины, силы упали. Потому-то я бегу за церковную ограду, чтобы здесь, за исторически испытанными стенами, остановить затопление моей души... Религиозная истина, т.е. ощущение истины в чувстве, заложена в каждом из нас, она передана нам прежними поколениями, и мы снова и снова переживаем в нашем чувстве то, что вложено в это чувство теми ушедшими людьми. Ощущение религиозной истины — это, можно сказать, та духовная подпочвенная вода, которая незапамятно творит новые формы в глубине тех пород, из которых слагаются наша душа и деятельность. И как подпочвенная вода, ее действие часто не замечают люди, живущие на поверхности Земли, так и о религиозной истине большинство мало думает. Между тем решить старый вопрос о том, как мы и наше реальное знание должны относиться к религиозной истине, необходимо. В своем академическом сочинении я пришел к тому выводу, что науке в конце концов предстоит один способ отношения к религии. Это реальное выяснение того, как живет и действует в истории человек и в нем религиозное чувство, какие его функции в экономии индивидуальной и общественной жизни. Иными словами, науке предстоит выяснить *физиологию религиозного опыта* (сказать «религиозного чувства» было бы неточно). Надо заимствовать у физиологии ее основные идеи и методы, при помощи которых она изучает значение и функции того или другого органа жизни, и отсюда искать реальные знания о тех органах, какими движется человеческая душа, в том числе и органа *религии*» (*Ухтомский А. А. Заметки на полях (1902; 1935) // Ухтомский А. Интуиция совести... С. 489, 490.*

²¹ См. *Ухтомский А. А. О церковном пении. Статьи первая и вторая (1910; 1912) // Ухтомский А. Заслуженный собеседник... С. 353–387.*

²² «Нашими верхами, очевидно, завладели опять какие-то темные силы немецкого образца, а это открывает, как всегда, широкий простор воровским инстинктам домашних хищников, которых, к сожалению, всегда много на Руси. Настоящий же, подлинный хозяин земли русской, наш коренной народ, только глубже запрятывается по своим деревням, да поохивает, когда у него снова и снова выхватывают сыновей на убой, да ему же продают втридорога тот самый хлеб, который он своим горбом выработал». «По основному настроению христианского мужества приведены мы сюда не для удовольствия, развлечения, наслаждения, «удовлетворения культурных потребностей» и т.п., а для труда, «покамест не изобразится в нас Христос!»» (*Ухтомский А. А. Письмо Н. Я. Кузнецову 9 октября и 7 декабря 1915 г. // Ухтомский А. Интуиция совести... С. 426.*

²³ «Всего этого надлежало ожидать почти с первого дня безумной революции февраля 1917! Определенно чувствовалась мне гибель несчастной России в том нестройном гаме, который тогда был поднят и который так приветствовался легкомысленной публикой. Раз сорвавшись с вершины, камень должен докатиться до конца, и то, что было посеяно, должно быть и пожато. Дальнейшие глупости разных «большевиков» и прочих убогих людей не подлежат уже такому суду и осуждению, как то, что в самом начале было понаделано *умниками*: Гучковыми, Родзян-

Из этих же сторон нравственного облика А.А. вытекало и своеобразие его домашней жизни, обстановка которой доходила, особенно в последние годы, до крайней убогости и аскетизма и была лишена последних признаков удобств и «комфорта». Это было полное самоотречение, доходящее до раздачи нуждающимся всех пищевых пайков последнего времени и сопряженное с кротким непротивлением злу²⁴. Скончался А.А., по-видимому, от рака пищевода, общего истощения и хронической гангрены левой стопы²⁵.

Характерно для А.А. и вполне согласуется с его душевным настроением сравнительно малое число его выступлений в научной печати. Наконец, своеобразно его «определение» естествознания: Естествознание — это *самооправдание* человека; в настоящее время и «пока» оно не глубоко, часто легкомысленно и односторонне; но оно *обязательно* для нравственного развития человека: надо знать, где, среди чего, *благодаря* чему и *по милости* чего живешь и испытываешь благо жизни.

4 ноября 1942 г. <Боровое>
 Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 54.
 Рукопись-автограф. Без подписи.

Публикация и комментарии И. И. Мочалова

ками, Милоковыми... Ну, да уж если искать корней, то придется заходить далеко». «Все происходит так, как должно было ожидать. С самого начала этой несчастной войны, в июле 1914 года, так щемило душу! Чувствовалось, что *пришел великий суд над нами!*.. Горделивая, самонадеянная интеллигенция начала безумное февральское выступление 1917 года... Начали громоздить небывалую башню, обещали какие-то небывалые прелести, долженствовавшие удивить и научить весь мир. А конец — в совершенном *сраме и мерзости!*» (*Ухтомский А. А.* Письмо Н. Я. Кузнецову 28 апреля и 30 июля 1918 г. // *Ухтомский А.* Интуиция совести... С. 427, 428).

²⁴ «Прежде всего — достаточная презрительность к своим совершенно личным интересам, дабы не делать из них мировых вопросов. Вот важный момент для того, чтобы сохранить здоровый путь. Между тем он не так прост, и когда вас хотят уловить с какой-либо постороннею целью, то с совершенною уверенностью действуют на ваш страх за свою персону и на ваше искательство благополучия, считая, что здесь лежит натуральный ключ к вашей персоне, вашим исканиям, вашему мирозерцанию. Между тем человек и начинается лишь там, где у него оказывается что-либо более важное и более ценное для него, чем он сам... Доминанта души — внимание духу» (*Ухтомский А. А.* Заметки на полях (1935) // *Ухтомский А.* Интуиция совести... С. 493).

²⁵ О болезнях и последних днях жизни А. А. Ухтомского см. *Меркулов В. Л.* Алексей Алексеевич Ухтомский... С. 235–246.

Материалы к биографиям ученых и инженеров

В. С. КИРСАНОВ

ФЕНОМЕН КУЗНЕЦОВА

5 октября 2003 года исполнилось 100 лет со дня рождения Бориса Григорьевича Кузнецова, моего старшего коллеги по сектору истории механики (а затем — истории физики и механики), одного из основателей Института истории естествознания и техники, блестящего профессионала и очаровательного человека. Я написал слово «профессионал» и тут же подумал, а, собственно, в какой же области БГ был профессионалом? И, мне кажется, если придерживаться высоких критериев, то его нельзя назвать ни историком науки, ни философом в строгом смысле этого слова — он был прежде всего и по преимуществу профессиональным мыслителем, — т. е. человеком, основной смысл жизни которого заключался в постоянной работе мысли; предмет обдумывания мог быть самым различным, он менялся от времени ко времени, потому так сложно четко обозначить его специальность в привычном для нас наборе терминов. Была ли наука (в первую очередь физика) предметом его интересов? Да, конечно. А философия? И, безусловно, философия. И история, и экономика, и логика. И еще многое другое, например, жизнь, смерть, любовь, понимаемые не просто как философские категории, а как нечто большее. Вульгаризируя Канта, можно сказать, что БГ постоянно выходил за пределы «физики» и углублялся в «метафизику» жизни. Чтобы пояснить, что я имею в виду, я приведу два примера. Адольф Павлович Юшкевич, к несчастью, тоже уже давно покойный, сказал о БГ приблизительно так: человека после его смерти оценивают двояко — по оставшимся трудам, а также по тому влиянию, которое этот человек оказал на окружавших их современников. АП считал, что БГ заслуживает чрезвычайно высокой оценки, именно «проходя» по этому последнему критерию, как человек, оказавший очень серьезное влияние на тех, с кем он работал или просто общался. Похожую оценку высказывал в разговоре со мной и Илья Пригожин, у которого БГ подолгу гостил в Брюсселе. «Вы знаете, — сказал он, — я ведь, по правде говоря, книг БГ не читал, но в разговорах с ним я постоянно оказывался в плену его интеллектуального обаяния, которое обладало мощным каталитическим действием». Не вдаваясь в анализ работ БГ по истории и философии науки¹, можно согласиться, что резон в подобных высказываниях, конечно, был, и я постараюсь сейчас его отыскать.

¹ Однако стоит все-таки сказать, что многие книги Б. Г. Кузнецова пользовались любовью читателей и уважением самых авторитетных специалистов. Так, в 1970 г. академики И. Е. Тамм, Я. Б. Зельдович и В. А. Фок обратились с письмом к тогдашнему президенту АН СССР М. В. Келдышу, убеждая его в необходимости иметь в Академии наук вакансию по специальности «история науки». В этом письме, в частности, говорилось: «...в течение многих лет наша Академия наук, в отличие от других академий, не имела в своем составе специалистов по истории науки. Дело объясняется отсутствием крупных и общепризнанных работ, которые